

УДК 1.16; 316.6

DOI: 10.17223/1998863X/55/6

Г.Г. Антух, А.В. Гукова, А.Н. Петренко

ПАРАДОКС ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ ЧЕЛОВЕКА ДО НАЦИИ

По мере усложнения общественного устройства и способов коммуникации, роста темпов научно-технического и социального прогресса все большую актуальность приобретает проблема самоопределения человека. Исследование данной проблемы связано с анализом понятий тождества личности, кризиса идентичности и стратегий социального взаимодействия. В статье рассматривается проблема эго-идентичности и приводятся аргументы о парадоксальности ее природы, дается описание сущности кризиса самоопределения и его исторического генезиса с позиций современной философии. Тематизируются направления перспективных исследований проблемы самоопределения человека и кризиса идентичности.

Ключевые слова: эго-идентичность, кризис идентичности, самоопределение, самосознание, народ, нация.

Уже в середине прошлого века философы понимали, что свобода, представленная открытым обществом человеку, станет для последнего серьезным испытанием [1]. В целом они не ошиблись. Из достижений, которые обычно приписываются нашей эпохе, и недостатков, о которых говорится чуть меньше, складывается экстравагантный узор современности – карты без отчетливых границ для личности и векторов для самоопределения. Ускоренные процессы индивидуализации [2], информационное разнообразие [3] и практическое отсутствие ограничений для коммуникации требуют особых личностных качеств, способствующих сверхадаптации [4], основу которой составляют чрезвычайная психологическая пластичность и социальная мобильность. Быть всем сразу и не быть ничем – только так возможно удержаться на поверхности социальной реальности, не обещающей сегодня того же, что было вчера и тем более будет завтра. В условиях свободы выбора и волеизъявления, непостоянства социальной и политической обстановки, возможной ангажированности СМИ и вариативности экспертных оценок человеку все труднее определиться с тем, кто он на самом деле есть. Более того, никто не в силах помочь ему это сделать. Среди многоголосия мнений, версий и предположений, в отзвуках которых уже неразличимы полутона здравого смысла, вопрос о собственной идентичности приобретает особую значимость. Подтверждением тому служит широкое общественное обсуждение проблемы эго-идентичности на различных уровнях: этническом, религиозном, национальном, политическом, гендерном, профессиональном и т.д. Не остаются в стороне философия и социогуманизированные дисциплины, для которых данная проблема имеет фундаментальный статус [5–8]. После всего того, что уже было сказано в этой области, представляется должным провести ревизию имеющегося материала, начав с анализа чистых понятий и конкретных исторических фактов.

Суть вопроса

Термин «идентичность» включает в себя широкий спектр значений, в основном связанных с ощущением целостности, определенности и постоянства

для индивида. Например, Э. Эриксон, с появлением работ которого данный термин закрепился в научном языке, определял идентичность как субъективное отношение тождества самому себе и ощущение непрерывности существования во времени и пространстве, признаваемое другими людьми [9]. Такую интуитивно понятную дефиницию идентичности предлагает нам эгопсихология в лице Эриксона, и, казалось бы, большего от определения и не требуется. Но не все так однозначно, как может показаться.

Пусть перед нами лежат две монеты одинакового номинала. Тождественны ли они друг другу? Понятно, что говорить о тождественности денежных знаков можно только в одном случае – подразумевая эквивалентность номинальной стоимости символических денежных единиц. Нас же интересует не столько конвенциональная природа денег, сколько конкретные физические объекты, которыми и являются монеты, лежащие перед нами. И в этом смысле мы не можем говорить об их тождественности. Они выпущены в разное время, о чем свидетельствует дата на чеканке, они имеют свои потертости и царапины, историю своего обращения и, в конце концов, здесь и сейчас они занимают определенное место в пространстве. Отложим одну монету в сторону и зададимся вопросом: тождественна ли оставшаяся монета сама себе? По всей видимости, иначе как утвердительно ответить на поставленный вопрос не получится. Конечно, можно попробовать сказать, что монета, которая сейчас лежит перед нами, в то же самое время *не есть* монета, которая перед нами сейчас лежит. Но это явная бессмыслица. Согласно закону тождества, не существует иной возможности мыслить вещь в границах здравого смысла, кроме как мыслить ее тождественной самой себе. Стало быть, условие тождественности вещи самой себе есть необходимое условие существования вещи в мышлении. Все это предельно очевидно, менее очевидно следующее.

Исходя из принципа непротиворечия, нелегко, чтобы какая-нибудь из вещей была тождественна другой вещи, следовательно, быть тождественным себе означает не быть тождественным ничему, кроме единственной вещи – той, о которой идет речь. Если, например, речь идет о тождественности монеты, которая сейчас лежит перед нами, следует полагать, что данная монета не тождественна ни одной вещи в мире, не считая той, которая сейчас перед нами лежит. И тут возникает вопрос: что в итоге остается от тождественной себе вещи, помимо тождественности ее самой себе? Точнее, через какие признаки возможно представить тождественность вещи самой себе, если никаких признаков, кроме идентичных, по определению нет? Например, если мы говорим о том, что Петербург располагается севернее Москвы, то мы так или иначе разделяем убеждение, согласно которому между Москвой и Петербургом существует соизмеримое с определенной величиной различие. Подобным образом в утверждении того факта, что высота Эйфелевой башни на десятки метров уступает высоте Останкинской телебашни, сообщается об определенном различии в соотношении физических характеристик двух сооружений. Отсюда следует, что всякое реальное отношение между вещами складывается из различия между ними, а любое тождество есть не более чем тавтология [10, 11]. Правильно ли тогда говорить о тождественности как об отношении между вещами, если никаких различий в случае с тождественностью а priori не предполагается, да и никаких вещей не предполагается, если не считать ту, о которой идет речь? Скажем, в чем могла бы заключаться идентичность вы-

мышленного Томаса, которому 37 лет, и каждый день, кроме воскресенья, он ходит на работу, помимо того, что он Томас, ему чуть меньше сорока, и каждый день, кроме воскресенья, он ходит на работу? Проще всего было бы сослаться на реальное положение дел, при котором такие предикаты как «быть тридцатисемилетним», «ходить на работу» и «называться „Томасом“» составляют идентичность Томаса и, возможно, исчерпывают ее. По крайней мере, выбрав данный способ идентификации, мы не столкнемся с противоречиями, которые могли бы возникнуть в другом случае.

Предположим, что в какой-то момент своего существования Томас озадачится вопросом следующего содержания: «Кто я есть?». При ответе на данный вопрос возможны два сценария. Первый заключается в том, что Томас сознает себя тем, кем он и является. Тогда ему остается лишь собрать портфель и отправиться на работу, не забыв прихватить пропуск на свое имя. В случае с противоположным ответом все немного сложнее. Нужно понимать, что всякий вопрос, обращенный к прояснению реального положения дел, имплицитно содержит в себе утверждение состоявшегося события или факта. Например, из вопроса о конструктивных особенностях двигателя внутреннего сгорания, адресованного специалисту, мы можем понять несколько самоочевидных вещей: во-первых, что есть такой объект, который именуется «двигателем внутреннего сгорания», во-вторых, что этот объект имеет конструктивные особенности, отличающие его, скажем, от паровой машины. Точно так же и вопрос Томаса «Кто я есть?» имплицитно содержит в себе утверждение уже присутствующего в мире «я». То есть прежде вопроса «Кто я есть?» должен быть тот, кто об этом спросит, и этот кто-то есть Томас. Если такового «я – Томаса» нет, то и вопроса о существовании *несуществующего* «я – Томаса» по всем принципам логического вывода быть не должно. Таким образом, ответ на поставленный вопрос существует до актуализации самого вопроса и определяет его осмысленность. А далее все по тому же сценарию: если есть Томас, то есть все необходимое для того, чтобы ответить на вопрос о том, кто Томас есть. Если ничего указывающего на существование Томаса нет, то и нет никаких оснований, чтобы утверждать, что Томас в принципе существует. Все очень просто – для того чтобы быть монетой, лежащей на столе, нужно всего лишь быть монетой, лежащей на столе, большего не требуется. И тут можно было бы привести аналогию в духе наивного картезианства, вспомнив о том, что если кто-то ставит перед собой вопрос о наличии у себя сознания, это означает, что этот кто-то в известной степени уже осознает себя и может об этом отчитаться. В противном случае ни о каком сознании и речи быть не может. Ну а для того, чтобы быть Томасом, нужно всего лишь быть им, иных вариантов нет.

Что из этого следует?

Рискуя сделать поспешное обобщение, предположим, что актуализация вопроса о собственной идентичности является признаком, указывающим на несостоятельность настоящей эго-концепции. И в самом деле, возможно ли назвать состоятельной идентичность, внутри которой вопреки здравому смыслу через самоотрицание ставится вопрос о собственном определении? Показательна в этом отношении роль психологической науки. Мало кто из психологов писал о здоровом самоопределении по существу. Чаще всего тео-

рия личности представляет собой теорию патологии, где эго-идентичность рассматривается через патологические проявления личности и личностные кризисы [12–14]. Например, тот же Эриксон осмысливает понятие «идентичность» в связке с понятием «кризис идентичности», указывая на практически одновременное возникновение этих понятий в поле исследовательского интереса. По его мнению, актуализация проблемы идентичности связана с осознанием возникшего кризиса самоопределения. И это вполне понятно, ведь здоровая эго-концепция – это концепция, в которой нет места вопросу о собственной идентичности.

Также понятно, что с рациональной точки зрения вопрос о собственной идентичности противоречив и не имеет никакого смысла. Об этой особенности проблемы эго-идентичности неоднократно говорили философы самого различного толка, которые также понимали, что иррациональный вопрос не может иметь рационального ответа [15]. Именно поэтому данная проблема требует тщательного анализа с поиском непротиворечивых трактовок понятий тождества личности и эго-идентичности. Практическая необходимость данной задачи объясняется потребностью осмысления современного общества и места человека в нем, но уже с учетом накопленного исторического опыта и исторических ошибок, которые допустила цивилизация на пути своего развития.

Проследить связь между кризисом самоопределения и его реальными последствиями достаточно просто. Пусть вопрос «Кто я есть?» относится к области спекулятивной метафизики, не имеющей прямого отношения к действительности. В противоположность этому этико-эстетическое содержание эго-концепции прямо сообщает нам о способах и формах выражения идентичности в действительности. Более того, данное содержание имеет форму императива с предписанием к долженствованию. Правило это может быть сформулировано примерно так: «Для того чтобы быть тем, кто ты есть, делай то, что делает тебя тем, кто ты есть». Таким незамысловатым образом проблема эго-идентичности из области отвлеченной метафизики становится проблемой замысла и жеста. Несложно представить, какие смыслы и действия может породить самопротиворечивое эго, заданное неопределенными признаками и свойствами. Из ближайшей истории – истории XX в. – можно почерпнуть немало примеров того, как эхо кризиса национальной идентичности сопровождало события, унесшие жизни миллионов людей. Имея в виду все то, с чем столкнулось цивилизованное общество за последние сто лет, необходимо ясно понимать и природу вопроса о собственной идентичности, чтобы точно угадывать симптомы того, что не должно повториться никогда.

К слову, нас не должна смущать разнородность двух типов идентичности: личной и коллективной. Ведь если мы говорим об общих эпистемологических основаниях идентичности и механизмах идентификации, то разница между Я-концепцией и Мы-концепцией не такая уж и большая – ее не должно быть в принципе. Наиболее же значительными проявлениями Мы-концепции являются народ и / или нация.

Уроки истории

Как известно, феномен национальной идентичности возник относительно недавно в масштабах истории цивилизации. Этот процесс, начавшийся в Новое время, по общему мнению, являлся следствием буржуазной револю-

ции, т.е. перехода от феодализма к капитализму. Поскольку данный переход был связан с индустриализацией, которая по ряду причин происходила в разных странах неодновременно, постольку и формирование национальной идентичности у разных народов осуществлялось со значительной разницей во времени.

Вместе со сменой социально-экономического и политического уклада менялись и ценностные ориентиры.

Широко распространено мнение, что проблема самоопределения в современном обществе связана с кризисом базовых ценностей Просвещения, предполагавших поступательное, прогрессивное развитие социума и культуры. Об этой особенности человека, усвоившего основные ценности Просвещения, но осознающего невозможность следовать им в современных реалиях, в частности, пишет П. Слотердайк [16]. По его мнению, естественным следствием данного противоречия в сознании человека становится бегство к циничному сознанию, суть которого может быть выражена следующим лозунгом: «Как бы ты ни поступал, избегай моральной ответственности!» Думается, данное правило никак не способствует самоопределению и формированию здоровой идентичности, но даже наоборот – препятствует этому. Уже только потому, что всякая идентичность предполагает позицию, а всякая позиция неизбежно влечет оппозиционную трактовку, цинизм кажется непригодным для того, что называется самоопределением. Ясно, что определив себя в мире и по отношению к миру определенным специфическим образом – выступив «за», необходимо аналогичным образом выступить и «против». В этом смысле всякое самоопределение невозможно без моральных ограничений, которые совершенно избыточны в случае с цинизмом. Тем более циническое мировоззрение кажется ущербным при анализе общественных форм самосознания.

Остановимся на том, что процесс формирования национальной идентичности связан со спецификой культурного, экономического и социального развития каждого отдельного народа, его внешнеполитического окружения, географического положения и бесчисленного количества иных, порой совершенно случайных, факторов, которые придают своеобразие его историческому пути.

Однако если Просвещение стало важной вехой в развитии Я-концепции человека, то вскоре – с появлением наций и национальных государств – исторический вызов был брошен общественным формам идентичности.

Так, достигнув своего апогея в Центральной Европе на рубеже XIX–XX в., процесс формирования национального самосознания закономерным образом привел не только к появлению ряда новых государств, но также и к началу Первой мировой войны. Тогда, летом 1914 г., большая часть Европы оказалась во власти милитаристских умонастроений. В это время национально-патриотический подъем в странах Европы был настолько сильным, что в числе выражавших свою поддержку провоенному курсу или идеям национализма оказались многие выдающиеся ученые и деятели культуры, по праву считающиеся гуманистами. Одобрительные высказывания в пользу националистического курса правительства можно найти в письмах и работах К.С. Петрова-Водкина, Н.С. Гумилева, В.В. Маяковского, И.Ф. Стравинского, В.Я. Брюсова, С.С. Прокофьева, С.Н. Булгакова, Т. Манна, З. Фрейда, М. Ве-

бера, С. Цвейга, Р. Киплинга, А. Франса, А. Бергсона и др. [17. С. 10–27]. Конечно, большинство указанных деятелей, познав истинную сущность войны, скоро пересмотрели свои взгляды.

Разумеется, если говорить о подлинных причинах начала Первой мировой войны, то сводить их исключительно к возникшему чувству национального самосознания народов Европы нельзя. Но, по-видимому, именно это чувство придавало войне особую ожесточенность и бескомпромиссность, превратив ее в борьбу, которая продолжалась до истощения всех национальных ресурсов [18. С. 46–47]. Даже спустя четыре года с начала войны, несмотря на колоссальные человеческие потери и ненависть к войне, боевые действия продолжались. Тогда казалось, это была не обычная война, а война за само право на жизнь. Г. Уэллс писал: «Каждый солдат, который сражается против Германии, участвует в крестовом походе против войны. Эта величайшая из всех войн – не какая-то очередная война, а война последняя!» [17. С. 24]. Словно в ответ устами героя своего романа Э.М. Ремарк парирует: «Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты в людей, – какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках?» [19. С. 78]. Так или иначе, даже если у Первой мировой войны была какая-то историческая миссия, то она не была завершена. С одной стороны, по окончании войны многие народы Европы и Азии впервые за многие века получили свою государственность, а некоторые народы (как, например, польский) еще и долгожданное единство. В остальном итоги войны были тяжелыми и не обещали больших перспектив отдельно взятым регионам. Так, Вторая Речь Посполитая с объединением польского народа разъединила украинцев и белорусов. Объединенная Италия, даже будучи в числе стран-победителей, по-прежнему испытывала социальные и политические проблемы, связанные со слишком разным менталитетом населения юга и севера страны, которые со временем нарастали из-за послевоенного экономического упадка. Аналогично сербы, хорваты, словенцы и другие народы Балкан, несмотря на близость языка и культуры, с трудом уживались в общем монархическом государстве.

Какие же уроки можно извлечь из этого? Условно, обретение национального самосознания есть следствие культурно-исторического развития народа, на определенном этапе которого общество сталкивается с кризисом идентичности. Как выяснилось, одной из важнейших предпосылок возникновения кризиса идентичности выступает противоречивая природа вопроса о самоопределении, где механизмом преодоления данного кризиса становится противопоставление условной переменной идентичности собственной противоположности. Несколько упрощенно это выглядит так: «Прежде чем будет ясно, кто мы есть, мы должны совершенно точно понимать, кто мы не есть». Без всяких сомнений, данный способ идентификации порочен по своей сути, как с точки зрения эпистемологических оснований, так и с позиции эстетического выражения. Принципиальным же кажется следующий вопрос: а необходимо ли вообще искать собственную идентичность, если иных способов, кроме как противопоставить себя чему-либо и, как следствие, выступить против этого, нет? Если это необходимо, то прогноз на будущее неутешителен. Каждый раз, когда та или иная группа людей достигнет внутренней готовности заявить о себе и о своем месте в мире, она будет вынуждена вы-

ступить против всего того, что, по ее мнению, к ней не относится. Примеров тому достаточно. Следует ли из этого, что войнам, конфликтам, сегрегации, дискриминации никогда не будет положен конец?

В целом есть две главные проблемы в понимании внутренней структуры и динамики перехода личности или группы людей от безотчетной нерефлексивной эго-позиции к эго-концепции через кризис самоопределения для того, чтобы ответить на основной вопрос: возможно ли в принципе на том или ином этапе развития общественного самосознания избежать кризиса идентичности? Во-первых, нужно понять, связано ли становление рефлексивного самосознания с утверждением эго-идентичности; во-вторых, выяснить, существуют ли иные, отличные от противопоставления условной переменной идентичности собственной противоположности, способы самоопределения? Попробуем в самом общем виде ответить на поставленные вопросы.

Стихийный характер идентичности

Как известно, всякое развитие влечет за собой кризисы. Успешное преодоление кризиса означает переход на следующий виток развития, неуспешное – стагнацию [20. С. 86–91]. Без разницы, имеем ли мы дело с развитием человека или с развитием каких-либо общественных форм человеческого существования, будь то экономика, политика, наука, технологии или искусство, – всякий кризис должен мыслиться как необходимый этап развития. Как развитие того или иного недуга фиксируется врачом в истории болезни, так и общество, столкнувшееся на определенном этапе с кризисом, вынуждено обращаться к своей истории. Тем более что проблема национальной идентичности в общемировом масштабе не исчерпана до сих пор.

В качестве мысленного эксперимента обрисуем две возможные ситуации. Журналист спрашивает прохожего в Мюнхене: «Кем вы ощущаете себя: баварцем или немцем?» После едва заметного замешательства прохожий отвечает: «Я – баварец, но также немец и европеец». Можно предположить, что данный респондент живет в гармонии со своей национальной идентичностью. Проявленное им замешательство, вероятно, свидетельствует о том, что ему вообще не приходилось задаваться подобным вопросом. Теперь представим, что подобный вопрос был задан, например, жителю Барселоны. Ожидается, что в большинстве случаев последует ответ либо «испанец», либо «каталонец», но вряд ли и то и другое одновременно. Не есть ли это следствие кризиса идентичности человека, находящегося в конфликте со своей органически обусловленной эго-концепцией? Будучи испанцем по территориально-государственному принципу, он не принимает эту идентичность как национальную в силу описанной выше потребности к самоопределению по принципу «от противного»: быть каталонцем значит не быть испанцем. Казалось бы, право каждого свободного человека – называться тем, кем ему заблагорассудится. К сожалению, результатом стремления группы людей обособить свою идентичность, порожденного внутренним конфликтом и кризисом самоопределения, нередко становятся радикальные формы национализма и сепаратизма. И тогда права многих свободных людей нарушаются самым немыслимым образом.

Само собой, данное различие в толковании собственной идентичности задано спецификой культуры и истории Германии и Испании. В настоящее

время баварцы отличаются от усредненных немцев весьма условно, хотя в этой земле все же сохранились свои традиции, кухня, диалект немецкого языка и даже национальная одежда для праздников. Сохранились и некоторые особенности политического и государственного устройства земли, в частности своя политическая партия «Христианско-социальный союз», которая на общенациональном уровне традиционно входит в коалицию с партией «Христианско-демократический союз», представленной во всех землях, кроме Баварии. В остальном племенные различия бавар от других древнегерманских народов основательно забыты. Пожалуй, никто сейчас не мечтает о создании независимого государства Баварии, ведь, напротив, национальное единство немцев – это та цель, ради которой немецкий народ шел на большие жертвы в прошлом. В случае с Каталонией дело обстоит несколько иначе. Несмотря на относительно высокую этническую, языковую и культурную близость с испанцами, равно как более долгую историю сосуществования в общем государстве, самосознание каталонцев не только не растворяется в общеиспанской культуре, но, напротив, все более обособляется и самореплицируется в отношении иммигрантов данного региона. С позиции сохранения культурного разнообразия данную тенденцию едва ли можно назвать негативной, однако в случае с Каталонией, как известно, она привела к нарастанию сепаратизма и политической напряженности в стране, что стало причиной недавнего конфликта вокруг референдума о независимости.

Конечно, рассуждая над причинами того или иного кризиса, разумнее всего первым делом провести ревизию ближайшей истории развития. Когда мы говорим о специфике национальной идентичности, мы сразу же обращаемся к истории развития государственности и национального самосознания. А что если данная проблема уходит своими корнями гораздо глубже?

Предположим, что в первобытном обществе эго-концепция человека задавалась относительно простыми признаками и свойствами. Также допустим, что архаичному человеку было несвойственно задаваться вопросом о собственной идентичности. Самоопределение, как и этико-эстетическое содержание эго-концепции, устанавливалось для него естественным образом – той реальностью, в которой ему случилось быть. Какие социальные роли и формы идентичности были доступны древнему человеку? Несколько утрируя, предположим, что если этот человек был мужчиной, то ему как члену племени вменялось в обязанность быть охотником. Нужно ли спрашивать, что это за племя, если его даже необязательно было называть, оно существовало *de facto*. Трудно представить, чтобы член племени «мужчина-охотник» был обременен огромным количеством вопросов, которые волнуют современного человека. И даже мыслить условную переменную собственной идентичности через ее противоположность было бы для него излишним. Об этом можно сделать косвенные выводы по самоназваниям народов.

Например, самоназвание государства немцев «Deutschland» состоит из слов «Deutsch» и «land», где последнее слово переводится как «страна» и используется в современном немецком языке, а слово «Deutsch» в настоящее время переводится как «немецкий». Соответственно, словосочетание целиком переводилось бы на русский язык самым простым образом: как «немецкая страна» или «страна немцев». Если верить словарям, само слово «Deutsch» происходит от древнегерманского «diutisc», что означает «принад-

лежащий народу», которое, в свою очередь, произошло от древневерхненемецкого слова «*diot[a]*», т.е. просто «народ». Похожие этимологические образования можно найти в первоначальных самоназваниях многих народов мира. Как представляется, данное обстоятельство свидетельствует о том, что древние люди просто не испытывали необходимости в рефлексивном анализе собственной идентичности, о которой, как следствие, они не имели никакого представления. В архаичном обществе человек мыслил себя частью народа, а другие народы представлялись как отличные лишь на основании того, что человек не был их частью. Как говорилось выше, быть тождественным себе означает не быть тождественным ничему, кроме того, что уже есть, и это что-то и есть идентичность. Конечно же, внешние отличия между представителями разных племен в архаичном обществе существовали и проводились на основании культа, ритуала и языка: это и почитаемые боги, и характерные черты внешности, и в значительно большей степени отношение к определенному родовому и лингвистическому сообществу. Возможно, именно по этой причине как в древности, так и в раннем Средневековье межкультурные и межэтнические связи, например между славянами и скандинавами, были очень развитыми, а коммуникативные барьеры, напротив, – менее выраженными, чем это представляется на данный момент, о чем говорят некоторые современные исследователи [21].

Вероятнее всего, человек в древности не имел дела с кризисом самоопределения, поскольку он практически никогда не находился в состоянии выбора этой идентичности. Она была в значительной степени детерминирована средой обитания и социальной реальностью, в которой он существовал. С учетом локального характера социальных связей и низкой динамики учреждения институциональных отношений, уступающей скорости смены поколений, первобытный человек вообще не сталкивался с необходимостью переосмысления собственной роли в обществе. Можно сказать, что его идентичность была стихийной и оттого с ней не возникало никаких проблем. Быть может, идентичность вообще не возникает иначе как стихийно и необходимо, определяясь тем, что есть, но никак не тем, чего никогда не было. Требуется ли нам еще больше уроков истории, чтобы осознать эту простую истину?

Выводы

В целом мысль о том, что становление рефлексивного самосознания влечет за собой кризис идентичности, кажется правдоподобной. Сейчас нельзя с уверенностью сказать, какие именно эпистемологические механизмы задействованы при манифестации кризиса самоопределения. Похоже, что без серьезного анализа мышления, речи и языка разрешить проблему происхождения кризиса самосознания как на уровне личности, так и на уровне общества нельзя. Отвечая на вопрос о допустимых способах идентификации, отличных от противопоставления условной переменной идентичности ее противоположности, следует вновь указать на парадоксальную природу проблемы эго-идентичности. Ранее отмечалось, что манифестация кризиса идентичности влечет за собой невозможность рационального полагания и разрешается через деструктивное этико-эстетическое выражение. Говорилось же кем-то, что фашизм – это поза, а не идея [22]. Стало быть, вопрос не столько в том, воз-

можно ли преодолеть кризис идентичности, сколько в том, возможно ли его избежать. Для ответа на этот вопрос в будущем потребуется:

- 1) провести анализ логико-эпистемологических оснований проблемы эго-идентичности;
- 2) исследовать связь возникновения рефлексивного самосознания с кризисом самоопределения;
- 3) изучить культурно-исторические особенности национальной идентичности на примере различных народов;
- 4) найти неструктивные механизмы самоопределения как на уровне личности, так и на уровне общества.

Литература

1. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. М. : АСТ, 2009. 256 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 2004. 788 с.
4. Langstraat L. The Point Is There Is No Point: Miasmatic Cynicism and Cultural Studies Composition // A Journal of Composition Theory. 2002. Vol. 22, № 2. P. 293–325.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред., пер. примеч. и авт. послеслов. М.Ф. Быкова. М. : Наука, 2000. 495 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. СПб. : Наука, 2007. 621 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. СПб. : А-скад, 1994. 408 с.
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. М. : Культурная революция ; Республика, 2006. 269 с.
9. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева; сост. и коммент. М.С. Козловой. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
11. Рассел Б. Избранные труды / пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2009. 260 с.
12. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / пер. с англ. Г.В. Барышниковой, А. Вяхирева. М. : Эксмо-Пресс, 2017. 352 с.
13. Адлер А. Понять природу человека / пер. с англ. Е.А. Цыпина. СПб. : Академ. проект, 1997. 256 с.
14. Олпорт Г. Становление личности : избранные труды / пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. 462 с.
15. Липовецкий Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб. : Владимир Даль, 2001. 336 с.
16. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. М. : АСТ, 2009. 800 с.
17. Федянина О., Бессмертная М., Солдатов Н. Анна играет «Боже, царя храни», с удовольствием слушаю // Коммерсантъ Weekend. 2014. № 10.
18. Рассел Б. Практика и теория большевизма / пер. с англ. И.Ю. Воробьевой, И.Е. Задорожнюк, Ю.Г. Казанцева. М. : Наука, 1991. 128 с.
19. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен / пер. с нем. Ю.Н. Афонькина, И.А. Горкиной. М. : Худож. лит., 1988. 399 с.
20. Тойнби А. Д. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. М. : Айрис-пресс, 2010. 640 с.
21. Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь : историко-филологические очерки. М. : Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
22. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.Л. Нацистский миф / пер. с фр. С.Л. Фокина. СПб. : Владимир Даль, 2002. 78 с.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Angelina V. Gukova, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Alexander N. Petrenko, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: alexandr__n@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 47–58.

DOI: 10.17223/1998863X/55/6

THE PARADOX OF EGO-IDENTITY: FROM PERSON TO NATION

Keywords: ego-identity; crisis of identity; self-determination; self-consciousness; folk; nation.

Back in the middle of the past century, philosophers understood that the freedom open society gave people would become a serious challenge for them. The accelerated processes of individualization, informational variety and almost no boundaries for communication require special personal qualities that contribute to super-adaptation based on excess psychological and social lability. As the social structure becomes more complex and the speed of the scientific, technological and social progress grows, the issue of a person's self-determination becomes relevant. This is confirmed by a wide public discussion of the problem of ego-identity at various levels: ethnic, religious, national, political, gender, professional, etc. The study of human identity is impossible without analyzing the concepts of the crisis of self-determination and the individual's identity. The article describes the essence of the crisis of identity, its historical genesis from the standpoint of contemporary philosophy, it also identifies relevant areas of research strategies to overcome such crises. The results of the research allow concluding that the ego-identity problem has a paradoxical essence. Based on this, it is assumed that one of the possibilities to resolve the identity crisis is to oppose the conditional variable of identity to its own opposite. It is shown that this method of resolving the crisis of self-determination is vicious, both in terms of epistemological grounds and in terms of ethical and aesthetic expression. Thus, the future research will focus on the following tasks: the analysis of the logical and epistemological foundations of the ego-identity problem; the clarification of the connection between reflexive self-consciousness and the self-determination crisis; the study of cultural and historical features of national identity on the example of different peoples; the determination of constructive mechanisms of self-determination, at the level of both the individual and society.

References

1. Fromm, E. (2009) *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Translated from English by A. Laktionov. Moscow: AST.
2. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
3. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Translated from English. Moscow: Akademiya.
4. Langstraat, L. (2002) The Point Is There Is No Point: Miasmic Cynicism and Cultural Studies Composition. *A Journal of Composition Theory*. 22(2). pp. 293–325.
5. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka.
6. Heidegger, M. (2007) *Vremya i bytie* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka.
7. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
8. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika.
9. Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English by A.V. Tolstykh. Moscow: Progress.
10. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
11. Russell, B. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Translated from English by V.V. Tselishchev, V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.

12. Freud, S. (2017) *Ocherki po psikhologii seksual'nosti* [Three Essays on the Theory of Sexuality]. Translated from English by G.V. Baryshnikova, A. Vyakhirev. Moscow: Eksmo-Press.
13. Adler, A. (1997) *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understanding human nature]. Translated from English by E.A. Tsypin. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt.
14. Allport, G. (2002) *Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy* [Becoming a person: Selected works]. Translated from English by L.V. Trubitsyna, D.A. Leontiev. Moscow: Smysl.
15. Lipovetski, G. (2001) *Era pustoty: esse o sovremennom individualizme* [The age of emptiness: essays on contemporary individualism]. Translated from French by V.V. Kuznetsov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Moscow: AST.
17. Fedyanina, O., Bessmertnaya, M. & Soldatov, N. (2014) Anna igraet "Bozhe, tsarya khрани", s udovol'stviem slushayu [Anna is playing "God save the Tsar", I am listening with pleasure]. *Kommersant* "Weekend". 10.
18. Russell, B. (1991) *Praktika i teoriya bol'shevizma* [The Practice and Theory of Bolshevism]. Translated from English by I.Yu. Vorobieva, I.E. Zadorozhnyuk, Yu.G. Kazantsev. Moscow: Nauka.
19. Remarque, E.M. (1988) *Na Zapadnom fronte bez peremen* [All Quiet on the Western Front]. Translated from German by Yu.N. Afonkin, I.A. Gorkina. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Toynbee, A.D. (2010) *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Translated from English by E.D. Zharkov. Moscow: Ayris-press.
21. Uspensky, F.B. (2002) *Skandinavyy. Varyagi. Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki* [Scandinavians. Varangians. Rus: Historical and philological essays]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
22. Laku-Labart, F., & Nancy, J.L. (2002) *Natsistskiy mif* [The Nazi Myth]. Translated from French by S.L. Fokin. St Petersburg: Vladimir Dal'.
23. Zizek, S. (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassivity. Desire: Attraction. Multiculturalism]. Translated from English by A. Smirnov. St. Petersburg: Aleteya.
24. Bauman, Z. (1994) *Ot palomnika k turistu* [From Pilgrim to Tourist]. Translated from English by O.A. Oberemko. *Sotsiologicheskiiy zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 133–154.
25. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity] Translated from English by S.A. Komarov. St. Petersburg: Piter.